

Наталья Советная

Наталья Викторовна Советная – член Союза писателей России (Санкт-Петербургское отделение), член Союза писателей Беларуси (Минское отделение), член Союза писателей Союзного государства. Председатель оргкомитета Международных научно-литературных чтений Игоря Николаевича Григорьева (Пушкинский Дом, Санкт-Петербург) и оргкомитета Международного конкурса лирико-патриотической поэзии им. поэта и воина Игоря Григорьева (1923–1996). Прозаик, поэт, публицист. Автор публикаций в журналах и альманахах: «Литературная учёба», «Наш современник», «Московский Парнас», «Нёман», «Новая Немига литературная», «Акно» (Минск), «Качели», «Польмя», «Белая вежа», «Армия и культура», «Невская перспектива», «Мгинские мосты», «Земляки», «Берега» (Калининград), «Александръ» (Мичуринск), «Симбирск», «Петербургская литература», «Территория слова» (ЛНР), «Крылья» (ЛНР) и др. Участница многих коллективных сборников. Автор 16 книг поэзии, прозы и публицистики. Победитель и лауреат республиканских, всероссийских и международных литературных конкурсов, в т. ч. «Словенское поле» (2015), им. А. К. Толстого (2016), «Золотой Витязь» (обладатель Серебряного Витязя в номинации «Публицистика» (2019)) и др. Имеет награды: медали «Василий Шукшин» (2014), «Святой благоверный Князь Александр Невский» (2008), «Поэт и воин Игорь Григорьев (1923–1996)» (2015), «За вялікі ўклад ў літаратуру» (2016), «Максим Богданович» (2020), орден Фонда мира «За веру и верность» (Москва, 2016) и др.

КРЕМЕНЬ

Повесть

Завершение. Начало в № 1, 2 – 2023

ГЛАВА 15

МАРАФОН

В береговую охрану Иван так и не попал. Пока призывники ожидали в военкомате «купца», он забрался на верхние нары и уснул. А когда проснулся, ребят уже не было. Теперь его направили в Петрозаводск, в войска противовоздушной обороны. Двое суток в пути, и вот он уже на месте – в отдельном радиотехническом батальоне, в хозяйственном взводе.

Когда до родителей долетела весточка, что служит сын старшим кинорадиомехаником, у Ефросиньи Ивановны отлегло от души: служба не опасная – крути в клубе кинофильмы, обеспечивай работу радио и музыкальное оформление танцевальных вечеров, которые периодически устраивались для военнослужащих, даже девчата приезжали из Петрозаводска. Ещё Иван был незаменимым художником, оформлял Ленинские комнаты, Красные уголки, стенгазеты, поздравительные листки, писал праздничные плакаты, готовил транспаранты. В дополнение ко всему на него возложили обязанности почтальона и каптенармуса¹.

В те дни, когда солдаты возвращались с дальних постов у границы с Финляндией, Хитько выдавал им коньки, лыжи, заряжал в самолично отремонтированный магнитофон катушку с музыкальными записями и, пока она крутилась, сам вставал на лыжи. Успевал пробежать круг в десяток километров. Возвращаясь, ставил новую катушку – и опять на лыжи. Самовольные тренировки не ускользнули от бдительного глаза капитана Туманова, отвечавшего за воспитательную работу в части.

¹ Должностное лицо в воинской части, ведающее хранением и выдачей имущества, продовольствия.

– Ефрейтор Хитько, вам вместе с рядовым Бояновым выпала честь принять участие в лыжных соревнованиях взводов. Побегите марафон на пятьдесят километров! – скомандовал капитан. И уже дружеским тоном добавил: – Выручай, Ваня, на тебя вся надежда!

Если бы на десять километров, на пятнадцать, даже двадцать, Хитько с радостью бы воспринял приказ, тем более что был уверен в себе, но на пятьдесят!

– Вы только не гоните сразу, берегите силы, главное – дойти до финиша, – наставлял Туманов, с сомнением глядя на невысокого, щупленького Ивана. По сравнению с плечистым, плотного телосложения Бояновым ефрейтор выглядел мальчишкой. «Ничего, пусть маленький, худой, зато жилистый да тренированный! – успокаивал себя. – Заменить всё равно некем».

– Дойти до финиша! Это приказ! Ясно?

– Так точно! – вытянулись в струнку лыжники. Десять километров Хитько проскочил незаметно, легко намотал ещё десятку, но тридцатый дался непросто. Руки-ноги работали автоматически, а в висках застучало: «Ещё двадцать! Не добежать. Сил нет. Задыхаюсь».

Боянов, красный, потный, даже пар от него, давно отстал, плёлся по лыжне, едва волоча окаменевшие ноги.

– Не сдавайтесь, мужики! – орали болельщики, оголив головы, не обращая внимания на мороз и ледяной ветер, размахивали шапками, словно флагами.

Ветер хлестал лыжников по побелевшим щекам, подкатывался под ноги, бил в грудь, возникал на пути невидимой стеной, через которую надо было пробиться, изо всех сил отталкиваясь от лыжни.

– Врёшь, не возьмёшь, – промычал Иван сиверку, заворачивая на новый круг, – ещё и подсобишь, подтолкнёшь в спину!

Действительно, бежать по ветру стало легче, но силы всё равно покидали. Хитько перешёл на шаг. «Двигаться, двигаться! – приказывал себе. – Если остановишься, упадёшь, уже не встанешь. Надо идти!» Остался последний круг. Казалось, что голова отключилась, мысли, словно в тумане. Ваня не чувствовал ни рук ни ног. Они работали будто отдельно от него: взмах, толчок, скольжение, взмах, толчок, скольжение... Хитько не слышал ободряющих криков солдат, сознание словно не реагировало на них. С трудом пробился к нему и голос Туманова, протягивающего бумажный стаканчик с горячим кофе:

– Ефрейтор, глотни! – капитан побежал рядом. – Тебе же легче станет! Слышишь? Кофе глотни!

Хитько, не останавливаясь, подхватил бумажный стаканчик и только теперь почувствовал, понял, как пересохло во рту, как хочется пить. В два глотка осушил его, отбросил в сторону, снова вцепился освободившейся рукой в волокущуюся на ремне лыжную палку. Запыхавшийся Туманов пробежал рядом ещё несколько метров:

– Хитько, родной, ты уж держись, осталось всего ничего, всего десятка! Благодарность тебе будет за службу, родителям письмо лично напишу. Не подведи, солдат!

Иван не подвёл. Лишь преодолев финиш, рухнул на снег. Что было дальше, помнил с трудом. Радостные лица товарищей. Ликующий Туманов:

– Герой! Говорю же – герой!

Носилки. Санчасть.

Отлёживался неделю. На соседней кровати – Боянов. Он хоть и сильно отстал от Ивана, но до финиша тоже дошёл.

– Думал, сдохну! – хрипел простуженным горлом.

– И я! – хохотал Хитько.

Хитро косясь на товарища, Боянов вдруг заканючил:

– Мультик хочу! Вань, привези новый мультик в клуб! Порадуй душу детством.

Солдаты страсть как любили мультифильмы. И если Хитько не привозил из Петрозаводска очередную ленту, возмущённо бушевали, обещая пустить «кинщика» на мыло. «Откуда у взрослых мужиков – воинов! – такая тяга к сказкам? Загадка природы! – размышлял он в кинобудке, устанавливая бобину. – Будто малыми ребятами становятся, честное слово!» И сам прилипал к окошку, забывая о делах. Было что-то невероятно притягательное в оживших рисованных человечках и зверюшках, какое-то необъяснимое волшебство, от которого замирала душа, веселилось сердце. Так случается, когда листаешь альбом со своими детскими фотографиями и словно уносишься в те прекрасные дни, когда ощущал себя надёжно защищённым, окутанным родительской любовью и заботой, когда было светло и радостно.

И на лице расплывается добрая улыбка, в глазах сияют отблески детства, а душа, готовая обнять весь мир, широко распахивается.

– Дай только выйти из санчасти, так я тебе сразу два мультика поставлю – перед фильмом и после, – обнадежил Иван. – Порадую твою душеньку детством!

Но человек предполагает, а Господь располагает. После санчасти Хитько по приказу командира батальона подполковника Чабана не в клуб направился, а на пост у знамени части. Задание это было посложнее пятидесятикилометрового марафона: на невысоком подиуме у военной святыни отстоять с винтовкой неподвижно два часа, затем по два часа отдых и сон и снова два часа у знамени. И так целые сутки. На посту что главное? Не шелохнуться и не заснуть. А в сон так и клонит! И спина от напряжения ныть начинает, и шея не в силах уже держать голову. Иван, когда оставался один, умудрялся подбородок рукой подпереть, для этого перехватывал правой винтовку чуть выше, у мушки. Но как только это ему удавалось, глаза тут же закрывались. А то и вообще удивительное дело: спал с открытыми! Зрачки закатятся под самый лоб, только белки наружу. Со стороны глянуть – страх божий! И вот спит человек, не слышит, не видит ничего. А если враг?

– А если враг?! – орал старший лейтенант, застав спящим на посту рядового Малахова, которого должен был сменить Хитько. – Ещё раз такое... Да по тебе не наряды вне очереди, по тебе гауптвахта плачет! Под трибунал отдам, как пособника врага!

Круглолицый Малахов испуганно моргал сонными глазами и не сразу понял смысл командирских угроз. Был он выходцем из дальних, северных краёв Мурманской области, нигде не бывал, ничего не видел, словно дикарь. Даже поезд, на котором до места службы добирался, стал для него открытием. Зато стрелок – первоклассный. И верный, надёжный товарищ, каких поискать. Долг, честь, жизнь воспринимал как понятия равноценные. И вдруг – трибунал! Такого позора его род не знал.

Смуглое лицо Малахова вдруг побелело, как снег в тундре. А старший лейтенант кричал и кричал. Сержант не воспринимал его слов, он видел только шлёпающие мокрые губы и перекошенный рот, брызгающий слюной. В мозгу же застряло, словно осколок, страшное слово, проклятие, несмываемый позор – три-бу-нал!

Малахов никогда не был предателем, не был трусом, даже на росомаху, самого страшного зверя, мог выйти один на один. Он очень любил свою тундру, семью, оленей, море – тосковал так, что снились они ему каждый день. Он был готов отдать за них жизнь.

Старший лейтенант едва успел заметить, как рядовой открыл затвор и загнал в него патрон, и прежде, чем прозвучал выстрел, сбил солдата с ног.

– Ты рехнулся, Малахов? – прохрипел сдавленным голосом. – Стреляться вздумал? Ну, ты и тундра! – дрожащими руками он выхватил винтовку и только после этого вздохнул с облегчением: – Да, брат, теперь комиссий не оберёшься...

После такого события, всколыхнувшего всю часть, сонливость на посту как рукой сняло. Хитько стоял у знамени, вытянувшись в струнку, и сам удивлялся, что без напряжения и усталости таращит глаза все два часа очередного дежурства.

Он думал об Анечке. В последнем письме она сообщала, что живёт в Днепропетровске, снимает квартиру у хороших людей. Хозяйка Валя с мужем Сергеем выделили ей отдельную комнату, поэтому их шумные детишки совсем не помеха для занятий. Школа, в которой проходит учёба на секретарей-машинисток, недалеко, только дорогу перейти. И вообще Ане очень повезло, потому что устроилась подрабатывать на молочную кухню, которая тоже рядом. С утра до обеда выдаёт молодым родителям кефир с молоком и творожок. Потом на занятия. А по выходным с подружкой Ниной – в городской парк, где Дворец студентов и летняя танцплощадка.

Последние строки, о танцплощадке, почему-то взволновали Ивана. Представил Аню, танцующую с высоким красавцем-студентом, и в груди что-то больно заныло. Скорее бы домой!

ГЛАВА 16

ВСЕЛЕНСКИЙ МАСШТАБ

Шестнадцатое июня – особая дата в семье Хитько. В этот день, в 1963 году, впервые в мире в космос полетела женщина, советская женщина, Валентина Терешкова. Вся страна, ликуя, следила за её полётом на космическом корабле «Восток-6». Почти трое суток находилась на околоземной орби-

те легендарная Чайка, такой позывной дал ей главный конструктор советских космических ракет-носителей Сергей Павлович Королёв. Сорок восемь раз облетела она вокруг Земли и совершила посадку в Алтайском крае.

Но в тот день, когда свершилось это мировое событие, случилось ещё одно! О нём знали совсем немногие, только родные и друзья Анны Жаркой и Вани Хитько да студенты Витебского педагогического института, собравшиеся в комнате на втором этаже общежития, чтобы поздравить молодых с бракосочетанием. И хотя в стране ежегодно фиксировалось рождение более двух миллионов семей, для каждого жениха, для каждой невесты это событие обретало масштаб вселенского. Да и как же иначе, если браки совершаются на небесах?

Впрочем, молодые тогда совсем не задумывались над этим феноменом, они и в Бога-то не верили. Если космонавты вокруг Земли порхают птицами, так какое же и где там, в тёмном загадочном космосе, может быть Божье царство? Это теперь, когда обоим Хитько перевалило уже за восемьдесят, когда седина мудрости, словно пеплом покаяния, осыпала их головы, вдруг вспомнились слова материнских молитв, тепло благословений, а с ними пришли смирение, душевный покой и вера.

Тогда же, преодолев долгие шесть лет разлуки и редких встреч, они устремились друг к другу, чтобы уже никогда не расставаться.

Не успели за молодыми захлопнуться двери горисполкома, где проходила регистрация, как хлынул летний тёплый дождь, да такой сильный, что на дороге вздувались воздушно-водные пузыри, а мощные потоки шумели под стать рекам, спадающим с горных круч.

– К сча-а-а-стью-у! – перекрикивая шум ливня, обрадовал Толик Герасимов, дружок и земляк молодых, родом из Прудка, что сразу за Городком, на ленинградском направлении.

– Бррр! Мокро, зябко, – поёжился второй свидетель Лёша Кравцов, прячась под козырьком крыльца, и вдруг лукаво улыбнулся: – И так почему-то го-о-орько...

– Горько-о-о! – подхватил Герасимов, но, заметив, как зарделась Анечка, помилосердствовал: – Мы отвернёмся, а вы времени не теряйте – целуйтесь, пока ливень не утихнет. Такой дождь долгим не бывает.

Когда Лёша распахнул перед молодожёнами двери студенческой комнатки, грянула музыка. Это однокурсники раздобыли где-то новенькую радиолу «Весна» и пластинки к ней. Стены украшали поздравительные плакаты с яркими цветами, воздушными шариками и порхающими птичками, непременно парами. На подоконнике в большой трёхлитровой банке красовался букет сирени. Два сдвинутых вместе стола, накрытых чистой накрахмаленной простыней, заменившей торжественную скатерть, были заставлены скромными, но аппетитными кушаньями, над которыми изрядно потрудились девчонки. Теперь они весело щебетали, приглашая к столу гостей и героев дня. С любопытством и даже с некоторой долей девичьей зависти разглядывали невесту.

Светло-сиреневое платьице с коротким рукавом и пышной юбкой подчёркивало хрупкость тонкой фигурки, такого же цвета шаль, наброшенная на плечи, создавала особый шарм женственности, русые волосы, длинные, густые, были собраны в причёску с буклями и украшены кистью сирени.

– Вот это, Ванька, ты невесту отхватил! – заорал с порога только что вернувшийся из армии, ещё в солдатской форме, Гена Шнейдер. – Краля! Всем красавицам – красавица! Ну, не будь жмотом, Ваня, разреши хоть потанцевать с такой! – И он галантно раскланялся перед Анной.

– А что! Успеем брюхо набить, – поддержал Толик, подбирая пластинку. – Начнём с танцев! Но сначала – вальс для молодых! – объявил торжественно и засмеялся: – Шнейдер, а ты становись в очередь, если позволят!

Он ещё не успел опустить иглу на пластинку с «Дунайским вальсом», как висящий на стене репродуктор сообщил, что первая в мире женщина полетела в космос, и спокойный голос Валентины Терешковой заверил страну: «Настроение бодрое. Самочувствие отличное. Я Чайка. Приём...»

– Ура-а-а! – хором грянули студенты.

– Ну, Хитько, – ахнул Лёша Кравцов, – дату свадьбы вам теперь вовек не забыть!

Комнатку молодожёны снимали крохотную: еле-еле поместилась узкая общежитская железная кровать и табуретка. У окна можно было втиснуть маленький столик, но его ещё следовало где-то раздобыть. Хитько решил поискать на барахолке, которая стихийно возникала возле стадиона по выходным. На этом импровизированном рынке можно было приобрести всё, что душе угодно.

– Глянь-ка, вон мужик со столиком! Уходить собирается. – Герасимов врезался в толпу наперерез продавцу. Иван торопливо пробирався за ним, не выпуская из вида его кудрявую шевелюру.

Столик был именно такого размера, как нужно, словно сделанный под заказ. Даже не столик, а тумбочка, потому что под столешницей имелись две полочки, закрывавшиеся дверцей. Это была самоделка, но хорошая, добротная, наверняка из материалов мебельной фабрики, которые каким-то образом перепали мастеру. И образ этот, видимо, был не совсем законным, оттого продавец нервничал, оглядывался, прищуренные глазки так и шныряли по сторонам. Едва деньги за покупку перекочевали в карман его штанин, как он словно растворился в толпе. Зато к Ивану и Толику уже уверенно приближался милиционер.

Герасимов, высокий, ладно скроенный молодой человек, не имевший проблем с богатырской силушкой, которой щедро наделила его природа и родители, подхватил тумбочку и рванул к трамвайной остановке. Хитько – за ним. Вот где с благодарностью вспомнились ему армейские тренировки! Друзья успели вскочить в трамвай, двери закрылись. Запыхавшемуся стражу порядка не хватило всего пары секунд. Он пробежал ещё несколько метров, барабана по набравшему ход трамваю, потом безнадежно махнул рукой, погрозил кулаком вслед и повернул в обратную сторону.

Через год Анна и Иван переселились в новую комнату, чуть более просторную, в доме 2-го Великолукского переулка. Однако хозяева сразу предупредили, что жить квартиранты будут, пока не появится ребёнок. Мол, своего шума и проблем хватает: зять, как напьётся, всё вешаться бежит. Залезет на чердак, петлю на перекладине приготовит и орёт благим матом. Как-никак тюрьма за плечами. «Ванечка, – кричит хозяйка, – Христом Богом прошу: посмотри, что он там, бестия пьяная? Ведь повесится, сволочина окаянная, что тогда?» Иван только голову в люк просунет, спичкой посветит, а над ним как загремит: «Куда суёшься, щенок? Сброшу поганца – костей не соберёшь!» Разве можно в такой квартире с ребёнком?

До многометровой, светлой семейной комнаты в общежитии института, который предоставил Ивану не только жильё, но и работу на кафедре, была ещё холодная засыпная времяночка в конце Лучосы, за цыганским районом, и комната на Красноармейской, у Смоленского рынка. Бывало, пока домой доберутся, страхов натерпятся.

Однажды дорогу преградила толпа пьяных подростков, один из которых размахивал пистолетом, тайком заимствованным у отца, служившего в органах. Хулиганы громили всё, что попадалось на пути: ломали заборы, крошили оконные стёкла, избивали прохожих.

И вдруг Аня, побелевшая, как та свадебная общежитская скатерть, сунула в рот два пальца и издала такой оглушительный, долгий, пронзительный свист, что Иван непроизвольно отшатнулся. Выждав паузу, девушка с наглой, развязной уверенностью крикнула:

- Вы что, мальцы, совсем оборзели? Своих не узнаете?
- Каких «своих»? – оторопели пацаны.
- Так с Красноармейской мы! Рядом живём.
- Свои! Свои они! – зашумела пьяная орда. – Пусть идут!

Лишь через многие годы Хитько наконец получили двухкомнатную на Димитрова, совсем недалеко от вокзала. Жильё Анне выделил молокозавод, на котором работала. В этой квартире выросли их дети, здесь все они были счастливы и никуда отсюда больше не желали переезжать, хоть и поступали такие предложения.

...К рассвету дождь утих. Обрадованный такой переменой в погоде Иван Павлович, не включая свет, чтобы не разбудить супругу, спустил с постели ноги, нашарил ими тапки и неслышно выскользнул на улицу. С запада над деревней нависла тяжёлая, плотная, словно сбитая, туча. «Может, мимо пронесёт? – с надеждой вздохнул Хитько и перевёл взгляд на восток. – Вон как разгорается, просыпается солнышко-то!»

За домом, у задней стены под навесом, отыскал припрятанный с вечера горшочек с цветущим сиреневым гиацинтом, купленным накануне. Цветок так благоухал, что затаить его в хате не было никакой возможности: аромат выдал бы секрет с первых минут. А как же сюрприз?

Хитько знал, что этот день, шестнадцатого июня, Анечка, как обычно, ждёт от него букет привычных хризантем. Но он решил непременно удивить жену! К её любимым духам «DILIS», в поисках

которых рыскал по всему Витебску, добавил гиацинт, способный, если пересадить его в сад, радовать цветением и ароматом ещё многие годы.

В центре стола, на кружевной салфетке, аккуратно разместил подарки и тихонько, стараясь не скрипеть половицами, нырнул под одеяло. Замер, прислушиваясь, не потревожил ли Аннушку. На стене мерно тикали часы, а за окном снова зашумело: хлынул тёплый летний дождь, как в тот день, в шестьдесят третьем.

ГЛАВА 17

«СЕКРЕТНАЯ МИССИЯ»

Сидя у вытопленной печки, прижавшись спиной к тёплым кирпичам, чтобы согреть уставшие кости, Иван Павлович листал газету. Брови его то сдвигались у переносицы, когда он хмурился, то ползли вверх, взлетая над дужками очков, когда удивлялся. И было чему. Газета сообщала, что в Испании наступила такая жара, от которой запылали леса и пожар вплотную подбирается к жилищам, а в Бангладеше из-за проливных дождей самый настоящий потоп с разрушением домов, сносом машин и даже гибелью людей. Недавно и на западе Кубы из-за наводнения и оползней погибли два человека, тысячи эвакуированы...

Кряхтя, Хитько поднялся с табуретки, глянул в окно. Дождь лил третьи сутки. Вода стояла на дорожках, в бороздах на огороде, в саду, во дворе. Без резиновых сапог не ступить. А прогноз погоды грозился дождями и ночью, и на следующий день, и на следующий месяц. Засуха этим летом точно не ожидалась. Но не зря же говорят, что нет худа без добра. Зато поливать не надо: земля напиталась так, что сыро стало даже в тепличке с помидорами.

Однако Анна Нифантьевна этому не радовалась, напротив – распереживалась: как бы не испортила рассаду фитофтора. В мае тепла так и не дождались, в июне залило, теперь не хватает для пушного страха только этой коварной растительной болезни, когда загнивают стебли и плоды. Кажется, дождю не уставала радоваться лишь трава.

– Погляди-ка на неё, – призывала Анна Нифантьевна мужа. – Прёт и прёт, как ненормальная! Торопится, пока ей свобода, знает, что под дождём драть её не пойду.

– А зачем драть? – Из закутка у окошка выглянул внук Миша, прибывший в деревню на отдых из Минска. – Как распогодится, так я покошу, уже и косу приготовил, бензином заправил.

Миша учился в спецшколе для одарённых детей. Мечтал стать программистом. На дедовой даче день напролёт у компьютера: программу по заказу бизнесмена, отца его друга-одноклассника, зарабатывал. Опыт какой-никакой имелся: первое место в конкурсе за работу «Виды телефонного мошенничества и способы защиты». Для семиклассника очень даже неплохо.

– Сначала бульбы с зелёным лучком поешь, косильщик, – потеплела бабушка. – Не приведи господи, ещё похудеешь, что я тогда твоим родителям скажу? Приехал к бабе пухленький, вернулся в Минск – худенький. Скажут, что замордовала работой. А тебя ведь не оторвать от компьютера. Экраном-то глаза попортишь, потом где возьмёшь?

– Горячей картошечки я с удовольствием! – Миша словно не услышал бабушкиного ворчания. – Всё равно сейчас Интернет плохой, грузит медленно, а то вовсе пропадает. – Он шумно потянулся, разминая застывшее без движения тело.

– Ага, – откликнулся дед Иван, – и новости не посмотреть среди дня: глушат телевидение прибалты. Это всё натовская работа! А вот, родные мои, что я в районке вычитал: в библиотеке намечается презентация сборника о геноциде белорусского народа в годы Великой Отечественной! Прокурор будет освещать тему. Президент же подписал Закон о геноциде, чтобы сохранить память о погибших и чтобы никто не мог исказить итоги войны. Дело хорошее!

– Разве только одних белорусов уничтожали? – язвительно вставил Миша и снова невозмутимо принялся за картошку.

– Горе ты моё! – всплеснула руками бабушка Аня. – Ну в кого такой колючий? Ты же слушай внимательно: белорусского народа! А народ – это все! Дед тебе расскажет...

– Расскажу, расскажу как-нибудь, – буркнул Иван Павлович, перелистывая страницу, и вдруг засветился широкой улыбкой: – Вот это да! В Северодонецке аист соорудил на столбе гнездо, а из него свисает белая тряпица! Мол, детки тут, птенчики, не стреляйте, люди!

Миша заёрзал на табурете, его так и подмывало противоречить, спорить:

– Просто гнездо строил: волок на столб всё, что ему на глаза попадалось! А вы уж рады смыслы выискивать. – Он неожиданно замялся, словно засомневался в собственных словах: – Хотя... Попалось мне тут видео интересное... Сейчас покажу. – Включил телефон, отошёл к компьютеру, там, возле модема, лучше всего работал Wi-Fi.

На маленьком экране огромный медведь обнимал человека. Именно обнимал, не причиняя ему ни малейшего вреда. Тёрся многопудовой головой о грудь и спину священника, прижимал к себе лапами, не желая отпускать. Его маленькие глазки светились теплом и нежностью. Текст, сопровождающий видео, сообщал, что в румынском монастыре, где служат Богу всего два монаха, каждый день происходит такое чудо: из леса приходит медведь, чтобы обняться с человеком.

Поражённая увиденным, Анна Нифантьевна сначала торопливо перекрестилась на икону, потом заохала в изумлении:

– Точь-в-точь как к святому Серафиму Саровскому! К скиту, где он жил один, тоже приходил медведь. Из рук ел. Они дружили!

– Так русский медведь со всеми готов дружить! – подвёл итог дед и потрепал внука по светлым волосам. – Не трогай мишку, сам никого не тронет. А его восемь лет расстреливали! Деток его убивали, – переключился Иван Павлович на неутраченную боль.

Уже пятый месяц шла специальная военная операция. Тысячи беженцев из Украины приняла Беларусь. И не в бараки, не в халупы заселяла людей, иногда бежавших из родных домов в одних тапочках, без тёплой одежды, а в санатории, пансионаты, обеспечивая питанием, одеждой. Многим, желающим остаться в стране навсегда, власти предоставили добротные дома, работу, медицинскую помощь, детей определили в школы и детские сады, без всякой чиновничьей волокиты помогли оформить документы для получения вида на жительство. Планы заокеанских смотрящих на то, что между Россией и Беларусью произойдёт раскол, что народ возмутится войной и сметёт действующую власть, на смену которой придут те, кто готов за долларовую пайку шакалить в пользу американского хозяина, как это сделал президент Украины Зеленский, провалились.

Но самым знаменательным событием недавнего времени стало полное освобождение территории Луганской области в её исторических границах. Третьего июля Лисичанск и близлежащие посёлки, деревни были заняты военными Российской Федерации и Народной милиции ЛНР.

Еле сдерживая нахлынувшие чувства, Иван Павлович крепко обнял жену:

– Вернулись! Они вернулись домой!

Он радовался по-детски открыто, словно заново переживал победу сорок пятого. И как тогда, так и теперь радость смешивалась со страданием и болью потерь. Он искренно волновался за давно потерявшихся украинских друзей и учеников, вспоминал о них бессонными ночами. Губы его начинали еле заметно шевелиться, беззвучные слова взлетали под потолок, неведомым образом проходя сквозь крышу, улетали выше, за облака, к звёздам и дальше, в таинственную бесконечность.

– Господи, спаси, сохрани и помилуй нас и всех, кто на поле брани, кто под пулями и снарядами! – повторял слышимую от Аннушки молитву, без которой она не укладывалась в постель.

В одну из ночей вдруг надумал Хитько переоформить своего «опелька» на сына: «Случится что со мной, будут у ребёнка проблемы...» Пока мотался с Сергеем по конторам, времени хватило, чтобы вдоволь наговориться.

Оказывается, школьная знакомая сына, та, которая под Киевом, несмотря на военную обстановку, продолжала общение, однако тон её писем изменился кардинально. Она гневно обвиняла Россию в агрессии, а белорусов в пособничестве русским. «Снова воздушная тревога. Истребители летят с севера, значит, из Беларуси! Что происходит?! На телевидении лицемерное молчание. Всё скрывают. Как можно так жить? Как можно так изощённо издеваться над целым народом? Восемь месяцев!!! Сколько будет продолжаться это паскудство?» – вопила она. И не хотела слушать про восемь лет украинских бомбёжек по Донбассу, про намерения ВСУ использовать «грязные» бомбы, про опасные американские биологические лаборатории на территории её страны, про нескончаемые поставки вооружения Западом и США, про продолжающиеся ракетные удары ВСУ по мирным городам Донецкой и Луганской республик, по русским Белгородской и Курской областям, про использование украинцами в качестве живых щитов своих же мирных граждан и про их расстрелы.

Она отвергала эту информацию, не в силах её переварить без риска истерической реакции. Зато общала (Сергею показалось, даже с радостью) о нереальных цифрах погибших «окупантов» и с ужасом – о каких-то фильтрационных лагерях, через которые, переживая невероятные страхи и страдания, якобы проходят несчастные жители в занятых Россией населённых пунктах Донецкой и Луганской областей. Украинский зомбящик трудился без отдыха, бандеровские пропагандисты свою работу знали.

Эта несчастная женщина легко приходила в состояние жесточайшего отчаяния, стоило ей только услышать завывание сирен – всего лишь сирен! – и она тут же жаловалась со слезами: «Жить невозможно! Вышла во двор с собаками – пришлось сразу возвращаться домой, нервы не выдерживают!»

Сергей отвечал, оправдывая Беларусь, ведь точно знал, что белорусская армия не принимает участия в СВО. Доказывал: его малая родина обязана себя защищать! Для этого и ведётся подготовка к любым вариантам агрессии со стороны европейских стран-соседей. Но делал это слабо, без настойчивости и напора. Порой ему было неприятно читать злые слова о русских и России, в которой жил и трудился многие годы. Однако он молча проглатывал нарастающую обиду, потому что жалость к страдающим на территории Украины людям была сильнее. Его душа протестовала против войны. Ах, как хотелось ему, чтобы происходящее оказалось кошмарным сном! Чтобы можно было просто проснуться. И всё плохое бы исчезло.

С родителями Сергей старался не затрагивать украинскую тему. Его угнетали разногласия с ними. Он понимал, что, какими бы ни были их взгляды, это самые родные люди. Это мама и папа! Спорить, ссориться с ними не желал, хотя его очень раздражало, что всякий раз, когда разговор касался спецоперации, они вспоминали Великую Отечественную. «Ну при чём тут немцы и сорок первый год? – недоумевал Сергей. – Сейчас совсем другие времена и война совсем другая!»

И это была правда. Такой спецоперации не проводил никто в мире. И дело даже не в том, что приходилось противостоять странам НАТО и их сателлитам – более пятидесяти государств! – с современным вооружением, а в том, что малыми силами, при минимальных потерях Россия стремилась выполнить задачи максимально щадящими способами, чтобы уберечь мирное население. И те люди, у которых были открыты глаза и уши, видели, слышали, понимали это.

Изредка, когда внук, умаявшийся за день, сладко посапывал на диване, Иван Павлович ненадолго заглядывал в компьютер, засиживаться там не позволяли глаза. День назад внимание привлёк пост сербской девушки Даяны, и теперь мысли об этом не оставляли. Под снимком, на котором прощались русский отец-священник и сын-доброволец, девушка написала: «Он уходит воевать за свободу народа, за традиционные ценности, против извращений в культуре, за маму и папу, а не “родитель 1” и “родитель 2”, за мальчиков и девочек, а не лиц “неопределённого пола”, за право России жить на белом свете, за Православие!»

Что-то дрогнуло в душе, и, еле сдерживая подступившую к глазам влагу, Хитько коротко отстучал в комментариях: «Спаси Бо!» Уже хотел закрыть страничку, но неожиданно получил в личку ответ: «85 % сербов поддерживают СВО. И люди очень любят Россию! Наш президент Александр Вучич из всех сил старается не вводить санкции, но давление Запада огромное. Инфляция высокая, зарплаты маленькие, очень сложно жить сейчас в Сербии. Я работаю в институте, у меня хорошая должность, но зарплата 65 000 динар. Чтобы пережить месяц, сербу нужно 55 000 динар (еда и квартира). Значит, у меня остаётся только 10 000 (80 евро) на другие покупки. Это очень мало. Но мы не бросим Россию! Пусть мучают нас! Многие сербы готовы терпеть, даже воевать... Запад уничтожает семью, мораль, традиционные ценности... Знаете, наши женщины в церквях молятся за русских солдат. Они и наши спасители тоже...»

Хитько замер. В груди что-то словно пело, и ликовало, и рвалось наружу. Ещё раз перечитал слова Даяны и понял, что трогательная благодарность переполняет его, что ему нестерпимо хочется обнять эту девочку, этого далёкого родного человека, такую близкую душу!

Раздумывая над словами Даяны, Иван Павлович решил показать переписку внуку. В воспитательных целях. Вместе они стали искать нужную страничку. В это время на экране мелькнула реклама старых советских кинофильмов. Хитько успел прочесть: «Секретная миссия». Сколько раз он крутил этот фильм режиссёра Михаила Ромма в клубе военной части! Сколько раз, следя за сюжетом и зная всё наперёд, замирал в томительном волнении!

– Включи! Включи мне «Секретную миссию»! Я же её сто лет не видел, – неожиданно взмолился дед.

– Не вопрос! – сразуотреагировал Миша и оторопел: – Фу! Это же старое чёрно-белое кино. Будешь смотреть?

– Буду, внучек, буду! И бабушку позову...

С экрана гремел голос американского сенатора Аллена, высокомерного, с презрительным взглядом человека, планирующего хитроумный захват Европы сорок пятого года. Как раз накануне крушения рейха. Перед ним лебезили англичане и немцы, готовые пожертвовать своими странами, лишь бы получить допуск к жирному американскому пирогу. А советские разведчики, невероятно рискуя, делали всё, чтобы разрушить планы так называемых союзников, которые откровенно признавались, что специально долго тянули с открытием Второго фронта, чтобы дать возможность Германии разгромить СССР.

Иван Павлович словно превратился в слух и глаза. Снова ощутил себя киномехаником Ваней, прильнувшим к окошку киобудки. И где-то там, в зале, сидели его товарищи, среди которых, как всегда, на первом ряду, Боянов, на последнем, как на наблюдательном пункте, капитан Туманов.

Ностальгические чувства так захлестнули Хитько, что он не сразу заметил и понял: фильм не только не устарел, но невероятно сегодняшний!

– Семьдесят два года со дня выхода на экран, а в мире ничего не изменилось! – приглушённо удивлялся Иван Павлович. – Один в один – нынешнее время! Даже фразы те же, что мы каждый день в новостях слышим.

Анна Нифантьевна, соглашаясь с мужем, возбуждённо отмечала:

– Вот, снова: «Россия во всём виновата!», «Россия должна исчезнуть с лица земли!».

Потрясённый фильмом, дед призывал внука:

– Миша, послушай, какими мечтами об уничтожении России, о разделе её богатств Америка и Запад жили и живут! Разве можно им верить? А про Германию как хорошо в фильме сказано: мол, есть две Германии, одна нацистская, вторая угнетённая. Так и про Украину можно: одна бандеровская, вторая – угнетённая!

Разбуженный громкими голосами рыжий взлохмаченный кот, дремавший на печи, соскочил с каптура и мягко приземлился на бабушкины колени. Она машинально погладила его, он замурлыкал, стал тыкаться мордочкой в ласковые ладони.

– Хитрюга! – заворчала на него Анна Нифантьевна. – Надо было тебя Рузвельтом назвать: тот ещё прохиндей был! В глаза: «Наша страна всегда будет рада поддерживать добрые отношения и искреннюю дружбу с Россией, чей народ, спасая себя, помогает спасению всего мира от нацистской угрозы», а сам фигу в кармане прятал! Россию они, оглоеды западные, проглотить хотят! Не по Сеньке шапка! Глотку не порвёте? Пузо не треснет?

Глядя на бабушку, гневную, раскрасневшуюся, с горящими глазами, Миша расхохотался:

– Бабуля, ты прямо как советская разведчица Марта!

– Неужели? – не без кокетства согласилась Анна Нифантьевна. – А наш дед, как разведчик Дементьев?

Кот, так и не дождавшись дополнительной порции молока, спрыгнул на пол и, обиженно задрал хвост, трусцой засеменял на кухню в поисках съестного.

– Только попробуй, Рузвельт, что-нибудь стащить, – пригрозила хозяйка вслед. – Метёлка за шкафом по тебе, шельма, уже давно плачет!

– Да, да, да, – поддержал Иван Павлович. – И Путин сказал, что «мы ещё ничего и не начинали», значит, его веник для бандеровского мусора тоже ждёт своей очереди!

ГЛАВА 18

В ЗАПАДНЕ

Случилось то, от чего бежал, скрывался Хитько все последние месяцы. И произошло это, наверное, из-за «Секретной миссии» и прочих впечатлений, накопившихся к тому времени. Они так всколыхнули душу, что Иван Павлович до утра не сомкнул глаз. Как ни молил, ни уговаривал, спасительный сон упорно не приходил, не являлся ни за какие коврижки. Зато воспоминания захлестнули, растревожили до самого сердечного дна, где было запрятано то, от чего бессознательно пытался спрятаться Иван Павлович.

Лежал с открытыми глазами, уставившись в потолок, на котором застыли отражённые окном неровные тени, похожие на силуэт леса за деревней. И вдруг закачалась высокая, возвышающаяся над остальными деревьями, разлапистая, растрёпанная ёлка, посыпался с её ветвей потревоженный снег...

– Спалили! Сгорели! Ой, моя мамочка-а-а! Ой, братик мо-о-ой! – Проваливаясь в сугробы, падая, снова вставая, к горящим амбарам бежала Тоня Хитько. Платок сполз с головы, волосы облепил снег, глаза почернели от ужаса и слёз. Она хватала воздух перекошенным ртом, выла и кричала, захлёбываясь словами.

Немецкие каратели, будто смертоносная машина, двигались от деревни к деревне, сжигая дома и людей, хладнокровно добивая тех, кому удавалось вырваться из пламени¹. Перепуганная Тоня вместе с соседями по хутору спряталась в лесу после очередного страшного известия о сожжённой Сечёнке и семилетнем Ване Черткове, который выскочил из горящей пуни и бежал, не разбирая дороги, голышом, потому что одежда сгорела прямо на худеньком мальчишеском тельце. От огня полопалась кожа и разошлись мышцы на груди, обнажив тонкие косточки рёбер. Очумевший от боли, он бежал и бежал, пока не свалился в снег, ещё живой, но уже покидавший этот безжалостный мир.

Ефросинья и соседка Сорочиха решили в лес пока не идти, переночевать вместе с детишками, старухой – матерью Сорочихиной, и их же коровой в одном из амбаров на краю деревни, у болота. Ванюшку, закутанного в платки и одеяло, Ефросинья закопала в солому – всё теплее, чем в сугробе на еловых ветках в двадцатиградусный мороз. Да и кто знает, заглянут ли каратели в их деревню, тем более ночью? А утречком можно и в лес. Так и порешили.

Проснулся Ванечка на рассвете. Мать трясла его, громко умоляя:

– Детка, уходить надо! Немцы!

Он выпутался из-под одеяла и, взобравшись на груды брёвен, сложенных у стены, прильнул к щели. Ещё далеко, по дороге от хат к лесу и амбарам, двигались еле заметные люди. Как мать умудрилась их увидеть? Каратели шли в белых маскахалатах, на лыжах. Рядом бежали овчарки...

– Шевелитесь быстрее! – торопила Ефросинья соседей. – В лес уже не успеем, но позади амбара – силосная яма. Бегите туда! Авось не заметят бесы поганые. – Она подхватила Ванюшку одной рукой и, поняв, что соседка не справится со старухой, детьми и коровой, другой подцепила маленького Колю, прижав его под мышкой, следом – пятилетнего Лёню, и выскользнула наружу.

Им повезло. Над силосной ямой за зиму ветром надуло огромный снежный козырёк, плотный и прочный, обледеневший сверху, потому крепко удерживаемый сковывавшим настом. Моля Бога, чтобы немцы не заметили, овчарки не учуяли, беглецы успели нырнуть в укрытие. Видимо, Господь их услышал, потому что даже ветер в это утро дул в сторону болота, поверх козырька, унося с собой человеческий запах.

Только теперь, зарываясь в снег, Ефросинья заметила, что одна Ванюшкина ножка без валеночка, уже побелела от холода.

– Ох ты, беда-то какая! – зашептала почти беззвучно, одними губами, стягивая с головы толстый шерстяной платок. – Сейчас, сыночек, спасём ножку твою. – Она прильнула к его маленькой стопочке, согревая её дыханием. – А теперь замотаем, закутаем платком. Он тёплый, платок-то, папка твой мне дарил, вот сберегла, вот и сгодился.

Она шевелила и шевелила губами, не замечая, что никто не слышит её слов, хотя ей хотелось заглушить, скрыть от сына те жуткие звуки, которые доносились оттуда, где только что возвышался над полем одаривший ночным приютом деревянный амбар. Немцы стреляли зажигательными пулями издали и, убедившись, что пламя охватило постройку, двигались дальше, от амбара к амбару. Тот, за которым спрятались Хитько и обе Сорочихи с детьми, загорелся последним. Треск автоматных очередей, горящих брёвен, зерна, сена, лай точно взбесившихся овчарок, чужая громкая речь, под стать собачьей, зловеще гремели, казалось, над всей землёй...

– Спалили! Сгорели! – выла Тоня, вырвавшись из леса от сдерживающих её сельчан, как только каратели, свернув в сторону Телешово, скрылись из виду.

– Чего кричишь-то, дочушка? – устало окликнула её Ефросинья, выбираясь из ямы. – Живые мы покамест.

¹ По данным книги «Памяць. Гарадоцкі раён» (Мінск, 2004), в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) в районе уничтожено фашистами 183 деревни, 35 из них не возродились. Однако вновь открытые сведения о геноциде белорусского народа позволяют говорить о не менее 300 сожжённых деревнях.

Возвращаться в деревню было нельзя: в хатах засели полицаи, они не ушли вместе с немцами. И в Хитковском доме по-прежнему выпекался вражий хлеб.

Ваня целый день таскал еловые ветки, которые добывала Тоня, обламывая лохматые ёлки. Обколотые хвоей руки покраснели и чесались, но ребята не обращали на это внимание, ведь надо было успеть до вечера смастерить жилище. Ефросинья уже соорудила стенки шалаша. Теперь толстым слоем лапок следовало утеплить пол, чтобы не натянуло от земли воспалением лёгких. Еловое строение надёжно укрывало от ветра и снега, вот только от мороза не спасало. Днём грелись у костра, который укрыли в ложбине, чтобы не заметил чужой глаз. Ночью спали, тесно прижавшись друг к другу, иначе не выжить.

Продукты, захваченные из дома, закончились быстро, так и не утолив голод беглецов. Тоня с Ефросиньей отправились в Жаровщину, на торфяное болото, в поисках клюквы. Разрывали снег, выуживали замороженные ягоды, зимующие на застывших кочках. Старики подсказали, что можно варить шишки, пить их целебный отвар вместо чая. Выручала и Сорочихинская корова, хоть заметно отошала сама, питаясь лишь хвоей да прошлогодней травой и брусничником, отрытым для неё из-под снега заботливой хозяйкой. На таком рационе и морозе – какое молоко? Но всё-таки оно было, и Сорочиха делилась им с Фросиными ребятами.

Шли пятые сутки лесной жизни. День начинался обычно: Тоня отправилась на болото за клюквой, Ванечка собирал хворост для костра, а Ефросинья раздумывала, чем накормить детишек. Она уже сложила в котелок шишки с брусничником и собиралась спросить у Сорочихи каплю молока, когда в шалаш заглянули дочкины подружки. Из-под платков, низко опущенных на лоб и обмотанных вокруг тонких шеек, поблёскивали глаза и торчали вечно красные от мороза носики.

– Мы в Дуброво – на разведку! Мамка же там осталась, проведем её, а то страх как соскучились! Может, съестного раздобудем и про немцев разузнаем. Тоня пойдёт с нами?

– За клюквой она. Скоро уже будет, подождите немного.

– Неее, торопимся! Если захочет, пусть догоняет.

Тоня сразу же рванулась по следам за подружками, очень хотелось попасть в деревню – живую, с хатами, печками, дымком над трубами, но через час девочка вернулась в лагерь.

– Боязно мне: дошла почти до Дуброво, а их нигде не видно...

В лес подружки так и не вернулись. Деревенские гадали-рядили, почему да отчего, пока Ефросинья не решилась на ночную вылазку к бане, где осталась баба Люба, по старости отказавшаяся уходить из деревни.

– Деточка ты ж моя, – причитала старушка, обнимая невестку. – Страхи-то якия! Не кажите вы из лесу носа, покуль тырпеть можате. Две дячонки да мамки прыйшли, дык их пахватали и з мамкай жа у пуне спалили!

– Ахти свет! – побелела Ефросинья и рухнула на скамью. – Это ж наши девочки! И Тоня с ними хотела...

Полицаи ждали. Они были уверены, что деревенские скоро вернутся сами, голод и мороз сделают свою чёрную работу. И действительно, уже через две недели разгорающееся багровое утро не добудилось в лесном лагере двух человек, следующей ночью замёрзло ещё трое. Зима собирала смертную дань. И народ взволновался.

– Скоро все тут окочуримся!

– Чаго сядим-выжидаем? Мо, сдадимся? Можа, не тронуть нас?

– Ага, мы ж не партизаны, видать жа, что адны бабы, старья да рабятки малья...

– Бабы, можа, у дярэуню? У хаты свае?

– Так и так – помирать выходит...

– У сваёй хатке-то лепей!

– Спалённых девочек забыли? – прижимая к себе Ванюшку с Тоней, вдруг взвилась Ефросинья. – К партизанам надо!

– Дзе ж их узять-то? – снова зашумели бабы. – Вяди, коль ведаеш куды, разумница якая!

Старики порешили ждать ещё: авось полицаи уйдут. Но в народе уже зародилось сомнение, забродило отчаяние, терпение же истончилось, иссохло даже у самых стойких и выносливых. Ещё через неделю лесной жизни беглецы с поднятыми руками вышли к деревне...

Тот же пёсеподобный полицаи, который, желая угодить немцам, всякий раз приплясывал перед ними на полусогнутых ногах, теперь стоял, вытянувшись шестом, и, приподнимаясь на носках, свысока разглядывал сильно поредевшую толпу еле плетущихся крестьян – исхудавших, измождённых, заматанных в заиндевевшие одеяла и платки поверх шапок, ватников, пальто и тужурок.

– Что я вам говорил! – ликовал он, обращаясь к полицейской своре. – Вот они! Сами явились, готовенькие. А вы собирались за ними по лесам шарить. Да эти скоты от своего хлева дальше трёх метров не отойдут, возвратятся, как миленькие! На бойню покорно поплетутся, вот увидите, – добавил приглушённым голосом и приказал: – Всех в большую хату, ту, что на краю, там ещё дубок напротив, через дорогу. И запереть! Охрану поставить!

Хата, превращённая в место временного заточения, действительно была большая, но и людей оказалось немало.

– Потеснись! – покрикивал полицаи Дроздов, загоня деревенских.

– Куды тясница-то? Як сялёдок у бочке – дышать уже няма чым! – пытались возражать старики.

– Не надышались ещё? В лесу, свежим воздухом? – деланно поинтересовался Дроздов и громко зароготал, довольный своей остротой.

– Людцы добрыя, а што ж з нами цяпер будзе? – запричитали бабы, когда дверь закрылась. – Только б деток малых не чапали!

Со двора шумно захлопнулись оконные ставни, гулко застучали молотки.

– Ой, Божачка! Яны нас тут замураваць, мабыць, вырашыли? – охнула старуха Поведёнчика.

– Жыуём у гроб, – мрачно предположил кто-то из толпы и громко выкрикнул в сторону окна: – А до ветру нам як жа загадае?

– Под себя сходите, не паны! – снова зароготали снаружи.

– Дети же с нами. Детей пожалейте! – взмолилась Ефросинья, обнимая перепуганного Ванюшку. – Злыдни вы ти люди? – Но её вопрос потонул в общем гуле обречённого отчаяния. В холодной заколоченной хате, без еды и света, словно в адской западне, оказалось несколько десятков человек.

Как только снаружи стихли вражеские голоса, те из арестантов, кто был покрепче, принялись обследовать помещение в надежде обнаружить дополнительный выход. В первую очередь убедились, что из подполья выбраться на свободу не было никакой возможности: выкопать лаз за короткое время – идея бесперспективная. Выбраться через чердак? Но лестницу полицаи предупредительно вынесли, а чердачное отверстие заколотили толстыми досками. Окна и двери забиты, по периметру дома – вооружённая охрана.

Февральские ночи выдались на редкость морозными, и тёмное безоблачное небо, усыпанное яркими звёздочками, слепо глядело на приговорённую деревню огромным лунным глазом, туманно-белым, словно побитым бельмом. Длинные серые тени, падающие от хат и деревьев, как будто их живые души, ползли по хрупкому снегу к большому дому на краю деревни, к родным людям, изголодавшимся, мучимым жаждой, изнурённым нескончаемым холодом.

«Зачем, зачем мы вернулись?» – в который раз мысленно бичевала себя Ефросинья.

– Идти надо было в другие деревни. Рассеяться, и кто куда – к родне, к людям! – поделилась запоздалой догадкой с Меланьей Роговой.

Та только усмехнулась:

– Все мы задним умом сильны. Теперь-то что делать? Околеем тут...

Ефросинья опустила Ванюшку на пол:

– Детка моя, ты попрыгай, попрыгай, не стой на месте, иначе замёрзнешь, насмерть замёрзнешь. – Сама же стала трясти Тоню, уже впадающую в забытьё. – И ты, доченька, шевелись, родимая! Давай-ка с нами:

– Баба сеяла горох –
Прыг-скок, прыг-скок!
Обвалился потолок –
Прыг-скок, прыг-скок!

Баба шла, шла, шла,

– тут Ефросинья запнулась, потому что голодным напоминать про пирожок, который нашла баба, никак нельзя, но нужное слово тут же отыскалось, словно кто подсказал:

– Сапожок нашла!
Баба встала на носок,
А потом на пятку,
Стали русского плясать,
А потом вприсядку!

Застывшие на холоде, почти омертвевшие старики, бабы, дети сначала медленно зашевелились, затем попытались оторвать от пола примёрзшие к нему за пять страшных дней задубевшие ноги.

– Баба встала на носок, а потом на пятку... Баба встала на носок, а потом на пятку, – чуть задвигались бледно-синие губы. Сначала еле слышно, потом всё громче заиндевелая хата захрипела, заговорила, запела, неуклюже затопала, приговаривая: – Прыг-скок, прыг-скок! Баба сеяла горох...

Ефросинья грела-тёрла своими ладонями сморщенные сухонькие руки бабы Любы и уговаривала:
– Ко мне прижимайтесь, мама, не сдавайтесь, пожалуйста! Я Павлу обещала, что сохраню вас, уберегу. Вы ж меня не подведите, грейтесь, грейтесь – вместе выдюжим!

Любовь Ивановна с трудом подняла на неё выцветшие глаза, прошепелявила беззубым ртом:

– Боженьку просить! Только Ён адзин дапаможа!
– Вот и просите, мама, вы ж молитвы знаете, просите! Он вас-то услышит! А я заднюю дверь, что на болото выходит, за эти дни уже трошачки расшатала, – шепнула на ухо и улыбнулась одними глазами, в которых на мгновение вспыхнула надежда.

Баба Люба с трудом согнула руку и снова умоляюще посмотрела на невестку:

– Пальцы мне сложи, каб перахрыстицца, а то не слушаюцца зусим. – И запела сначала тихонько: – Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его. – Но неожиданно голос её окреп, молитва полилась мощно и звонко: – Яко исчезает дым, да исчезнут; яко тает воск от лица огня, тако да погибнут беси от лица любящих Бога и знаменующихся крестным знамением...

Ванечка, ухватившись за мамкины руки, подпрыгивал зайчиком и, тяжело дыша, монотонно повторял простуженным голосом: «Прыг-скок, прыг-скок...» Его голова, замотанная толстым платком, покачивалась в такт словам, перед глазами мелькали и словно кружились мамины руки, и казалось уже, что это вовсе не они, а ломти свежее испечённого хлеба с хрустящей коричневой корочкой плывут и дразнятся дурманящим запахом, от которого стелется густой-густой туман. Веки его опустились, тельце обмякло, и он повис на материнских руках. Ефросинья с трудом приподняла сына, и в этот момент со двора слышался гул подъезжающей машины.

Стукнули дверцы кабины, немецкая речь резанула воздух, топот сапог полицаев, суетливо снующих во дворе, оглушил запертых в доме людей. Они замерли, прислушиваясь, ловя каждый звук, доносящийся снаружи.

– Ой, Божухны! Яны ж падпаливаюць нас! – догадалась Рогова и, пятясь к задней двери, потянула за собой детишек и Фросю.

Когда мощный гул от разгорающегося пламени, охватившего крышу, накрыл округу и едкий, удушающий дым вместе с огнём сначала взвился ввысь, а потом пополз внутрь дома, проникая во все щели, началась паника. Бабы и старики бросились к окнам, пытаясь проломить рамы и ставни.

Страшные вопли, дикие крики, плач перепуганных детишек сначала словно парализовали Ефросинью, оглушили так, что она не слышала выстрелы со стороны леса, не сразу поняла, что невдалеке завязался бой и полицаям с немцами уже не до них, не до смертников.

Наверху трещала сжираемая огнём крыша, полыхали перекрытия, с потолка на людей посыпались огненные лохмотья и головешки...

Задняя дверь, расшатанная Ефросиньей, не сразу, но всё же поддалась её отчаянному упорству, две широкие доски вылетели наружу. В образовавшуюся щель уже вполне можно было протиснуться человеку.

– Дете-е-ей! – заорала она Роговой Меланье. – Детей выбрасывай! – И сама, подхватив Ванюшку, вытолкнула его в снег: – Беги, сыночек! Дальше отсюль утыкай!

Ефросинья помогла выбраться бабе Любе и, лихорадочно высматривая среди метущихся, задыхающихся в дыму и огне односельчан Павлову сестру, истошно кричала срывающимся голосом:

– Аня! Аня Хитько! Сюда! Ребятёночка спасай!

Полыхающие обломки, горящие ошметки, отлетающие от рушащихся балок и брёвен, падали в снег, осыпая его пеплом и огненными искрами, и он плавился вопреки воле мороза. Ванюшка припал к грязной лужице, торопливо, словно кто-то мог отобрать, стал хлебать талую воду обожжёнными губами.

– Ванятка! Живой! – окликнула его тётя Аня, прижимая к себе свою дочку и протягивая ему руку. – Давай помогу... И беги, беги к лесу, пока немцы не вернулись. Сейчас вся правда – в ногах!

– А мама моя? – упёрся мальш.

– И мама бежит, и баба, и Тоня... Кто спасся, все бегут, – тяжело дыша, уговаривала Анна. Ванюшка недоверчиво покачал головой:

– А ваша Валя не бежит... Она спит?

Анна ещё крепче прижала к себе девочку и посмотрела на Ванюшку как-то странно: глаза у неё стали необычно огромными, тёмными, полными безумного отчаяния.

– Спит она! Да! Да! Спит! Дыма наглоталась... Сейчас подышит свежим воздухом и проснётся... А тебе бежать надо, пока в той стороне бой... Бежать!

...Иван Павлович подскочил с постели, его руки дрожали, лоб покрылся испариной, в груди, будто колокол, гулко билось сердце, он тяжело дышал. Не включая свет, вышел на кухню, ополоснул лицо и, опустившись на табурет, снова задумался.

Сорок стоп, вмёрзших в пол, обнаружили сельчане, разбирая пожарище. Как уцелели, не сторели останки ног, если те, кому они принадлежали, превратились в пепел? Впрочем, и другие останки тел находили под обломками... Сколько людей тогда погибло?¹

Во дворе зачиналось серое утро. Хитько достал бумагу, карандаши, устроился у окна. Один набросок, другой, третий... Рука вычерчивала кресты. В голове настойчиво стучало: «Памятник!» Надо сделать памятник всем, оставшимся там навсегда.

ГЛАВА 19

«ЯДНАННЕ»

За дачным домом, в летней пристройке, где хранились строительные материалы и художественные заготовки, Хитько отыскал свою давнюю работу. Вытащил на свет божий, прислонил к стене. Под солнечными лучами блеснула, засияла медная чеканка грандиозного панно размером чуть ли не по полтора метра в высоту и длину. Ещё в семидесятых взялся Иван Павлович за этот труд. Работал, доводя замысел до совершенства, долго, около года. Иначе не мог, потому что вчеканил в медь боль и память о родителях.

Когда отец Павел Ефремович вышел на пенсию, думал он, как все: «Поживу вольготно: на рыбалку, в лес, в кино, – всё чин чинарём!» Да замучили боли в желудке. От операции отказался: «Вот ещё! Моя Фрося получше всякого хирурга будет. Отварами, настойками, примочками – вылечит!» Друг Комлёв запряг коня, на телеге из больницы домой Павла доставил. Тут и Ваня подъехал, он в то время на последнем курсе института проходил практику во второй школе, где директорствовал Журавков. И пошли у сына с отцом разговоры задушевные.

Всё о жизни. Да больше о войне. Про госпиталь тоже. Санитарок там не хватало, так отец, когда после ранения на поправку пошёл, сутками помогал тяжёлым больным: и судно не брезговал выносить, и кровавые простыни менять. Врачи даже благодарность ему объявили.

– Сплотила война народ наш, сынок. Ох, как общие страдания людей объединяют! Да если бы не всем миром: крестьяне хлебом, рабочие в тылу оружием, партизаны самоотверженностью, солдаты мужеством, – кто знает, выстояли бы мы тогда? Подумай, ведь против СССР открыто воевали Италия и Венгрия, Финляндия и Румыния, Словакия и Хорватия. К июню сорок первого артиллерией, танками, самолётами Германию снабжала вся Европа. Вся! А сколько иностранных добровольцев сражалось против нас на стороне Гитлера? Тысячи! Десятки, сотни тысяч! Даже нейтральные страны тайно помогали Гитлеру. Швеция, например, поставляла немцам для оборонной промышленности цветные металлы и сталь, Швейцария – железную руду. А нейтральная Испания отправила на советско-германский фронт... добровольческую дивизию!

---

¹ По данным Генпрокуратуры Беларуси, возбуждившей в апреле 2021 года уголовное дело по факту геноцида населения Беларуси во время Великой Отечественной войны и в послевоенный период, на территории республики фашистами и их пособниками убито более трёх миллионов человек и сожжено 10215 деревень (данные на 11 ноября 2022 г.). Расследование продолжается.

– Союзники же у нас тоже были, – попытался возразить Иван скорее не для спора, а чтобы услышать мнение отца. – Ведь сильные же союзники! США, Англия, Франция – это тебе не Албания, не Дания с Люксембургом...

– Вот сказал! – раздражённо махнул рукой, будто комара гонял, Павел Ефремович. – Союзнички! Они спали и видели, как захватить лакомый кусок в Европе, если победит Сталин. Выжидали, пока погоним фашиста! Лишь тогда проснулись, когда испугались, что к обеду опоздают. А помощь их – по ленд-лизу, в долг значит! Нам ещё за неё платить и платить!¹ – он на минуту замолчал, раздумывая, но тут же сморщился, застонал от боли.

Иван успел заметить, что когда отец увлечён, то мучительная болезнь вроде бы отступает, потому поспешил вернуться к разговору:

– Но ведь были у нас и настоящие друзья!

– А как же! Были, конечно. Монголия! Чем могла... Лошади, шерсть, мясо... – И добавил примирительно: – По правде сказать, американская тушёнка тоже, может, не одну жизнь от голодухи спасла... Но не это главное! Главное – наш советский народ! Все, как родня! Делились, помогали, последнее отдавали...

Вечером Павел Ефремович попросил куриного бульона, похлебал немного и, отвернувшись к стенке, уснул. В последний раз. Всего две недельки не дождался до радости – рождения Серёжки, внука, продолжателя рода Хитько.

«Вот так смерть и жизнь рядышком ходят, будто сёстры-двойняшки», – думал Иван Павлович, разглядывая чеканку. А губы шептали уже складывающиеся строки:

...В песке прибрежном вязнут ноги,
Мгновенья вяжут жизни сеть...
О мир, прекрасный и убогий,
Ты равновесие и твердь!

Так соком брызжущие вёсны
И четвергованные сосны –
В одной реке,
Как жизнь и смерть.

Чеканка отливала червонно-медным светом и, казалось, была окутана таинственным, туманно-солнечным свечением. На выпуклом луче, исходящем от горячей звезды, отчётливо выделялась прочерченная многоговорящая надпись на белорусском языке: «У нашым яднанні – сіла!»²

Отцовские слова о единении, сплочении народа в годы Великой Отечественной не давали покоя Ивану Павловичу, пока не появилась на свет эта работа. На переднем плане он выбил наковальню, как символ величия труда. Рядом – рабочего, передающего выкованный меч человеку в рубашке с вышитыми узорами – белорусу ли, русскому, украинцу? – советскому человеку, вставшему на спасение Родины!

Хитько, в который уже раз, внимательно всмотрелся в защитника – похож! Похож на отца.

– Память тебе, папа, и всем воинам нашим во веки веков! – прошептал, перекрестившись, и оглянулся: не видит ли кто. – Вот привычка привязалась! – недовольно забурчал на себя. – Раньше-то всё прятаться приходилось: на людях крест на себя не наложишь, – донесут куда надо. Вот и теперь оглядываюсь. Видать, школьный урок крепко запомнился.

...Учительница математики встретила прогулявшего урок Ваню грозно: её широкие брови сдвинулись к переносице и, соединившись, стали похожи на чёрные крылья, нос с горбинкой и гневно раздутыми ноздрями превратился в птичий клюв, а глаза так вперились в ученика, будто хотели просверлить насквозь. Ваня даже оглянулся, но за ним – никого.

– На какое кладбище? – допытывалась она до причины прогула.

– Мама сказала, что день поминальный, обязательно надо, – оправдывался Хитько, искренне не понимая, почему так сердится математичка. – Сначала в церкви помин заказали. А церковь-то в Ви-тебске, на Марковщине! По понтонному мосту через Двину надо...

¹ Россия полностью рассчиталась с США только в 2006 году.

² «В нашем единении – сила!»

– В церковь? – побелела учительница. – Ты ещё и в церковь ходишь? Ну, Хитько... Больше тройки по математике не получишь, так и знай! Ишь, попёнок выискался, по церквям он...

«И ведь поставила тройку!» – Иван Павлович покачал головой, улыбнулся:

– Бог с ней! Она уж давно с Ним встретилась. Поди, во всём Там разобралась.

Солнце, спрятавшееся за облаками, снова показалось золотым своим краешком, и нетерпеливый луч скользнул по чеканке, отчего она вспыхнула, засияла, высвечивая уставшую женщину с серпом и пучком срезанной спелой пшеницы. Мать, сестра, дочь, Родина... Меч, хлеб, человек... Воин, хлебороб, рабочий... В единении – сила!

– Вот и пришёл твой день, творение моё! – Хитько попробовал приподнять панно, но тут же опустил. – Нет, одному никак. Отяжелела ты, что ли? – обратился к чеканке, словно к живой.

Из-за угла хаты показалась Анна Нифантьевна, всплеснула руками:

– Я думаю, куда ж ты запропастился? А он, глянька-ка, вытащил своё «Яднанне»! Сколько лет оно, почитай, в сараюшке простояло. Кто ни просил продать – ни за что! – Она встала напротив, залюбовалась: – Ох, красота-то какая! А женщина-то на маму твою Ефросинью Ивановну как похожа! Одно лицо, ей-богу!

– Так ведь мама моя работающая была, каких поискать. Всем труженицам – труженица! Попробуй-ка серпом поле сжать! Это тебе не косилкой, как сейчас, а руками, со согбенной спиной, на ногах с утра до темна... Не зря с отцом передовики производства. До сих пор хранится фото с надписью: «Лучшие ударники колхоза “Чырвоны маяк” Хитько Павел и Ефросинья»¹.

– Я ж не спорю, Ванечка, – Анна Нифантьевна обняла мужа, прижалась щекой к его плечу. – Ты достойный сын достойных отца-матери. И за это тоже люблю тебя! Ох, всю жизнь люблю тебя, художник мой!

Хитько ласково чмокнул её в седые волнистые волосы и тяжело вздохнул:

– Сюда панно вытащил, а назад уже сил нет. Впрочем, и не надо. Скоро за ним приедут. Плёнкой бы только прикрыть на случай дождика.

Анна Нифантьевна подняла голову. Редкие белые облака, пронзительная синева, яркое солнце обещали вёдро. Она посмотрела на мужа и только теперь взволновалась:

– Приедет-то кто? Неужели продать решился? Музей воинов-интернационалистов просил, ты не отдал, а теперь – кому?

– Витебскому не отдал, а своему, городокскому, подарю!

– Так нет в Городке музея интернационалистов, – растерялась жена.

Иван Павлович глянул на неё с удивлением:

– Что ты распереживалась, как ребёнок? Краеведческому музею! Завтра же семнадцатое сентября – День народного единства Беларуси!² Звучит красиво. И торжества в городе будут, концерт во Дворце.

Сюрприз с новостью удался, и Хитько светился от удовольствия.

– Ой, правда! – вспыхнули глаза и у Анны Нифантьевны. – Лучшего повода для подарка не придумать! А я-то, голова садовая, запомновала, что праздник. Когда в России День народного единства³, помню, потому что он как раз на Казанскую⁴, а у нас ведь только в прошлом году впервые отметили единение.

Ни Иван Павлович, ни Анна Нифантьевна ещё не знали, что через четырнадцать дней, тридцатого сентября, они станут свидетелями ещё одного грандиозного исторического единения. После референдумов в Луганской и Донецкой народных республиках, Запорожской и Херсонской областях в Кремле будут подписаны договоры о присоединении этих четырёх регионов в состав России. Исконные русские земли вернуться домой! И это станет победой, хотя война ещё не закончится.

¹ «Лучшие ударники колхоза “Красный маяк” Хитько Павел и Ефросинья» (бел.).

² Государственный праздник в Беларуси, отмечаемый ежегодно 17 сентября, учреждённый 7 июня 2021 года указом президента Александра Лукашенко. Праздник приурочен к годовщине польского похода Красной армии, начавшегося 17 сентября 1939 года, по итогам которого Западная Белоруссия вернулась в состав Белорусской ССР.

³ Российский государственный праздник, отмечаемый 4 ноября ежегодно начиная с 2005 года, установлен в честь освобождения Москвы от польских интервентов в 1612 году. В этот день празднуется и День воинской славы России.

⁴ Празднование Казанской иконы Божией Матери установлено в 1649 году царём Алексеем Михайловичем в память избавления Москвы и России от поляков в 1612 году.

КРАСНЫЕ

Год нынче выдался плодородный, щедрый. Закрома белорусские и российские полным-полнёшеньки. Даже странным кажется, что где-то разговоры о грядущем голоде вовсе не пустые звуки. В Европах ценники на продукты и коммуналку не на шутку пугают народ, а в Беларуси впервые за долгие годы зафиксирована дефляция по итогам октября. Всё просто – запрещено необоснованное повышение цен. Система государственного регулирования! Удивительные вещи происходят в мире: Запад и США так давят санкциями Россию и Беларусь, что должно бы и не вздохнуть, а на деле – всё наоборот! Это они задыхаются, а мы полной грудью дышим! Вот как тут не вспомнить о Господе? Как снова не вспомнить предсказания святых о том, что восстанет Русь и расцветёт вопреки антихристовым козням?

Так размышлял Хитько, собирая в мешок сочные красно-зелёные яблоки, которыми была усыпана земля под отплодоносившими деревьями. Решил поделиться урожаем с друзьями и соседями по городской квартире. Одно яблоко задержал в руке, разглядывая с удивлением. По зелёной кожице плода пролегла ровная, жирная, красная полоса, разделив его на две части. «Будто кровавая рана, – неожиданно подумал он и зачем-то сунул яблоко в карман. – Вот так и по единому народу – кровью... Разделили... А яблочко-то всё одно яблочком осталось. Кожуру срезать – полоска исчезнет».

– Срежем шкурку-то? – спросил Иван Павлович, обращаясь к вездесущей вороне, внимательно наблюдающей за ним, и сам же ответил: – Конечно, срежем! Вон какая мобилизация¹ по всей России прошла, хоть и частичная, всего триста тысяч человек, но зато сразу высветила все плюсы, все изъяны. Теперь генеральная уборка в стране. А ребят мобилизованных не сразу на передовую, сначала подготовка на полигонах.

...Ночная тревога, разбудившая Ивана, мгновенно снесла его со второго яруса прямо на плечи Янкаускасу. Еле успел схватить сапоги с портянками. Так и помчался на построение верхом на товарище.

– Равняйся! Боевая тревога! Марш-бросок – десять километров! – скомандовал командир взвода Пашенко.

Рядом с Хитько пыхтели музыканты-мурманчане. Чуть бежали, задыхались, раскраснелись, пар так и валил. Казалось, вот-вот и они свалятся. Слабаки! Сосиски! Ни подтянуться, ни через козла. Что с ними делать? Боянов скатку с плеча скинул на землю, раскрутил.

– Ложись, дохляк! Подведёшь всю роту, – рявкнул на самого обессилевшего из отстающих.

Так и потащили друзья «сосиску», хоть у самих уже ноги заплетаться начали. А тут ещё команда:

– Ложись! Газы!

Натянули противогазы – совсем дышать нечем, а надо. Впереди старшина с дымовой шашкой. Попробуй снять защиту – закашляешься до заворота кишок. Ползут ребята, а в глазах пелена, в висках барабанный бой... «Гад же ты, Пашенко! Чего над людьми измываешься?» – стучит в их горячённых мозгах.

«Сам под берёзой устроился, с папироской и без намордника», – заметил рядовой Тесленко и, подхватив шашку, бросил её с ветреной стороны так, чтобы окурить ненавистного старшину.

– Ах ты, сукин сын! – взвился Пашенко, натягивая противогаз. – Три наряда вне очереди!

У озера, где заканчивалась десятикилометровка, первыми оказались Боянов и Хитько. Скопившийся в противогазах пот выливали на землю, как из ведра. Свежий ветер, ароматно пропахший озёрной водой, ласково обдувал их измотанные тела. Солдаты глотали его и не могли утолить жажду, чтобы надышаться вдосталь. Иван растянулся на берегу и, плюхнувшись руками и лицом в прозрачную воду, шумно хлебал её, фыркал, словно молодой жеребец, и снова хлебал...

Объявив благодарность отличившимся на марш-броске, старшина медленно прошёл вдоль строя, внимательно вглядываясь в лица солдат. От него не ускользнули косые взгляды, холодные глаза, поджатые губы. Он громко кашлянул и вдруг заговорил изменившимся тоном, по-отечески тёплым и доброжелательным:

¹ 21 сентября 2022 года президент Владимир Путин объявил в стране частичную мобилизацию. Цель этой мобилизации: сформировать новые воинские подразделения и доукомплектовать имеющиеся для участия в специальной военной операции на Украине и территориях, вошедших в состав РФ.

– Небось, думаете, что злыдень я? Мучаю вас, несчастных горемык... Эх вы, дурьи башки! А как отцы ваши на фронте? В окопах зимой и летом, в грязи и холоде, под обстрелом смертельным! Вдруг и вам предстоит?

– Да после такой войны, что была, теперь уж никогда не будет! – подал голос Тесленко.

– Может, и не будет, – задумчиво отозвался старшина. – А если вдруг? Что тогда? Нет, ребята, готовыми надо быть. Вспомните ещё моё слово.

...Порыв ветра поднял с земли уже пожухлые листья, понёс по дорожке. Хитько проследил за ними взглядом и невольно поёжился: «Как в воду Пашенко глядел! Вспомнилось оно, слово его... Ну, ничего, даст бог, пронесёт беду мимо! Наша Беларусь вслед за Россией тоже поднакопившуюся грязь подчищает. Обороноспособность усиливает! Да как же её не усиливать, если Запад так и нагнетает, так и грозится. Польша руки потирает в предвкушении оттяпать у нас гродненские и брестские земли. Украина границу заминировала, мосты с белорусской стороны взрывает, забор строить собралась. Обещает нам устроить Крымский мост – 2¹.

Провоцирует! А Александр Григорьевич на совещании по безопасности страны заявил прямым текстом: «Доведите президенту Украины и другим умалишённым, если там они ещё есть, что Крымский мост им покажется цветочками, если только они прикоснутся своими грязными руками хоть к одному метру нашей территории».

Хитько приподнял мешок, оценивая свои силы: ещё до машины дотащить надо, – и крепко завязал шнуром. Обвёл взглядом сад – яблук на земле словно и не убавилось. «Зимой не пропадём, и всем хватит: и людям, и зверюшкам разным, и птицам – расклёвывают яблочки они с удовольствием», – Иван Павлович подмигнул вороне, глаза его потептели:

– Эй, ты, глазастая! Высоко сидишь, далеко глядишь, а известно ли тебе, что нынче белорусы будто опомнились: на земле всюду порядок наводить взялись – решили старую мелиоративную систему восстановить и каждый клочок освоить, чтоб не зарастал, как прежде, пустозельем? Земелька, кормилица наша, если к ней с лаской, никого голодным не оставит! Ох, дорого это крестьянской душе, великая ей радость от таких решений! А с современной техникой поля поднять, оживить – не проблема. Время такое. Время...

...Как успеть? Из школы в институт, из института в художественные мастерские... Домой приплетался Иван уже еле живой. С таким напряжённым графиком его хватило на полгода. Затем на семейном совете молодые Хитько приняли решение: учительствование в этом расписании лишнее, хватит преподавания на худграфе, хоть и жаль было оставлять собственноручно созданный школьный музей. Однако не в чужие руки передавал, а другу, художнику Саше Килессо, бывшему детдомовцу, в годы войны малолетнему подпольщику. С ним потом всю Белоруссию исколесил в поисках мастеров – резчиков, кузнецов, художников, гончаров... Такая ответственная задача была поставлена Академией наук перед преподавателями худграфа – изучение белорусского народного прикладного искусства, о котором в ту пору знали мало, и Домов ремёсел, Домов народного творчества, как теперь, в каждом районе тогда не было.

Хитько для самостоятельной работы досталась тема «Декор в народной архитектуре послевоенной Беларуси». А Семёнов Олег Иванович, товарищ по кафедре, выбрал себе тему, связанную с металлом: «Художественная обработка металла на территории Белоруссии с 13 по 18 век». Декоративные решётки, калитки, оградки, кресты...

– По району бы поездить – поискать, изучить, – озадачился Иван.

Семёнов тут же откликнулся:

– Не только по району. Бери шире – по области, республике! Только на чём ездить? Где денег столько взять?

Решение пришло быстро. В художественных мастерских они стали получать оформительские задания от организаций и учебных заведений, а заработанные деньги откладывали на покупку мотоцикла

---

¹ Взрыв на автомобильной части Крымского моста прогремел утром 8 октября 2022 года. На мосту взорвался грузовой автомобиль, пламя перекинулось на топливные цистерны проходящего по параллельной ветке железнодорожного состава. Обрушились два пролёта автомобильного полотна, железнодорожные пути получили повреждения на участке длиной более километра. Теракт был подготовлен спецслужбами Украины.

с коляской, который ещё требовалось где-то достать. Одновременно учились вождению, чтобы получить права. Когда нужная сумма была собрана, появился и нужный человек, обещавший организовать покупку в лучшем виде, для этого полторы тысячи рублей он передал знакомому с базы. Оставалось ждать.

Но мотоцикла всё не было. Его и сегодня нет. Человек с базы вскоре был арестован и сел, а мотоциклетные деньги бесследно исчезли. Что делать?

– Купим лошадь! – заявил Семёнов без тени сомнения. – За лето район объездим, а кормить её просто: навязал на травке, и пусть пасётся, пока мы декор изучаем.

Хитько с доводами Олега согласился. Теперь надо было узнать, где купить и сколько стоит, чтобы снова собрать деньги. И когда в кабинет заглянул лаборант Николай Марчик, друзья тут же приступили к нему с расспросами:

– Коля, дружок, ты всё знаешь, подскажи, где можно лошадь купить?

Марчик от неожиданности даже присел, его и без того торчащие во все стороны волосы будто дыбом встали:

– Лошадь?!

Семёнов и Хитько молча кивнули. А Николай вдруг расхохотался:

– Шутка такая? Я понял! Это вы так подколоть меня удумали – узнали, что родители мне «Жигули» подарили?

– «Жигули»?! – Хитько с Семёновым переглянулись, не веря своим ушам. – У тебя теперь машина есть?

Вопрос с отпуском для Коли ректор уладил быстро. Оплату бензина, технического обслуживания и работы водителя взяли на себя Олег с Иваном и присоединившийся к ним безотказный добряк Саша Килессо.

...Воспоминания о друзьях заставили больно сжаться сердце Ивана Павловича. Веранду к дому пристраивал он не для себя, а для Саши, чтобы тот мог летом отдыхать, не смущаясь, что стесняет хозяев. Только не пришлось ему. Первую пенсию отметил и больше не проснулся.

Гроб поставили в спортивном зале школы для слабослышащих, где преподавал Александр Яковлевич. Хитько провёл рядом с другом всю ночь, всю ночь проплакал о нём – скрывать слёзы было не от кого: сиротой Саша вырос, сиротой и остался.

И Олег Семёнов перед отъездом в Браслав, где выполнял заказ на художественные работы, заскочив на минуту в методический кабинет к Ане Хитько, огорошил с порога:

– Всё, Аннушка, конец мне приходит! Сегодня во сне ангелов видел...

Совсем худо ему стало в Браславе. А болел давно. Годы работы с металлом отняли здоровье: развилась астма. Без баллончика с лекарством жить не мог. А тут оно вдруг закончилось, нужен рецепт. Бросился Семёнов в Витебск, забежал в поликлинику – очередь на весь коридор. Подождал немного и решил бежать домой, на свой четвёртый этаж, где хранился запасной баллончик. Так и нашли Олега Ивановича – на полу, с протянутой к спасительному лекарству рукой...

А тогда, в далёких семидесятых, перед друзьями были открыты все дороги и тропки прекрасной Белоруссии. Почти в каждой деревеньке побывали, фотографируя, зарисовывая резные оконные наличники, чудо-крылечки, ворота да скамеечки, изучая мастерство самобытных гончаров, ткачей, кузнецов, художников-самоучек. Добирались до мест и на лошадях, и на лодках – сначала купили казанку с мотором, а потом построили на институтском дворе лёгкие катамараны. Ночевали в чистом поле и на речных да озёрных берегах, питались чем бог пошлёт: всё больше крестьянской простой пищей – бульбой да молоком, хлебом да салом с лучком, ухой из выловленной Сашей рыбки и приготовленной им же на костре. Мокли под дождями и просыпались с рассветом от птичьего пенья и ласковых солнечных лучей. Однажды подскочили в ужасе от мощного рёва, раздавшегося прямо над головами. Это корова просунула голову в открытое окно бани и, обнаружив вместо хозяйки незнакомцев, спавших кто на полу, кто на полке, замычала возмущённо и обиженно.

Снимки и рисунки из летних экспедиций друзей проиллюстрировали десятки статей и книг, которые издавались многотысячными тиражами¹. Собранного за несколько лет материала с лихвой

¹ Основы мастацкага афармлення школы / А. Ф. Кавалёў, А. І. Сямёнаў, І. П. Хіцько. Мінск: Народная асвета, 1974; Мастацтва разьбы па дрэве: вучэбны дапаможнік для вучняў 7—11-х класаў агульнаадукацыйнай школы з мастацкім ухілам / І. П. Хіцько. Мінск: Беларусь, 1998; Декоративные наборы из соломки: учебно-методическое пособие

хватило не только на запланированные диссертации. По результатам работы комиссия Министерства образования в Москве присвоила Хитько звание доцента.

...Мешок с яблочными гостинцами для соседей занял своё место в багажнике, и Иван Павлович, окинув прощальным взглядом дачные владения, шутиливо помахал вороне, уже перелетевшей с берёзы на старое дерево «антоновки»:

– Не скучайте, барышня, зимуйте благополучно. Даст бог, доживём до весны – ещё встретимся!

Ворона шумно взмахнула крыльями, приземлилась у крупного яблока, вызревшего до прозрачности, так что просвечивали гладкие, блестящие коричневые семечки, и с размаху ударила по нему мощным клювом.

На выезде из города Хитько заметил голосующую у дороги пожилую женщину, опирающуюся на трость. Обычно он не брал попутчиков, зная, что автобусы и маршрутки снуют между Городком и Витебском, как ткацкие челноки, но в этот раз почему-то притормозил. Женщина попросила довезти до Лужесно:

– Опоздала, сынок, по расписанию-то! А теперь жди битый час, да ноги-то уж не те... Спаси тебя Господи!

– Какой же я вам сынок? – засмеялся Иван Павлович, разглядывая попутчицу. – Мы с вами, поди, ровесники будем?

Женщина действительно была очень немолода, седые волосы выглядывали из-под тёплого шарфа, глубокие морщины располосовали лоб и окружили глаза, но они, уже чуть выцветшие, горели по-прежнему молодо и озорно.

– Ай-ёнички! Не разглядела! Решила, если за рулём, то молодой. Мой дед-то за руль уже не сядет. Я вот в деревне на могилках была. Там родители. Отец в партизанах. Мать в лесу пряталась. Сама-то не помню, в сорок пятом родилась. Рассказывали...

– А я довоенный. Помню.

Женщина оживилась, заговорила торопливо, словно боялась не успеть поделиться наболевшим с человеком, который обязательно поймёт и разделит её переживания:

– Вот кто думал, что мы снова до войны доживём? У меня внучка в Белгороде. Так ведь их там бомбят супостаты эти, фашисты бандеровские! По исконно российской земле бомбят. По мирным людям! На обломках ракет надписи находят: «Сдыхай, русня!» Это что ж такое делается? – запримечала она, а голос её подозрительно задрезжал.

Хитько испугался, что попутчица расплатится, поспешил перехватить инициативу, успокоить:

– Такая судьба, потому что Белгородская область на краю оказалась, у самой границы с Донбасом. Такая же судьба у нашей Беларуси: между Западом и Россией, как буфер, если здесь начнётся, то мало нам не покажется. Больше всех в Отечественную кому досталось? Нам!

– Это конечно, – согласилась женщина, – но ведь Россия обещала ответить, если только посмеют...

– Обещала. Грозила чем? Ядерным оружием! Грозила в надежде, что это отрезвит, – перебил Иван Павлович.

– Так ведь посмели! – голос у женщины снова задрожал.

– По-вашему, надо было начать ядерную? – возмутился Хитько. – Это был бы лучший и правильный выход? Вот сейчас долбанули укры по Польше, чтобы спровоцировать НАТО на полномасштабную войну, а в ответ-то – ничего! Не отважились натовцы применить пятую статью, боясь открытой войны с Россией. Вот и получается, что, пока всё не устаканится, пока не победим, приходится страдать... Хотя с террористами, может, ещё и после победы долго бороться будем. Бандеровцев после войны десять лет отлавливали, а они, сволочи, выжили, расплодились, как крысы... Но ничего, главное, что Господь с нами, значит, как бы ни бесился антихрист, победа обязательно будет нашей! Я-то ещё с той войны помню...

...Ефросинья на ходу набросила ватник, платок и, подгоняя Тоню, схватила Ванюшку за руку, с силой потащила за собой по рыхлому снегу:

– Скорее, детки, скорее! К Горбачёвым надо, у них погреб большой.

Взрывы сотрясали город. Уже совсем близко ревели советские танки, прорвавшие немецкую оборону. Многоголосье боя гремело, то приближаясь, то словно бы отдаляясь и редая. Треск пулемётов то утихал, будто тонул в густой снежной каше, то оглушающе грохотал, сливаясь с остервенелыми автоматными очередями. Наши части овладели северо-западом Городка. Танки стремительно пробивались к железнодорожной станции. Уличные бои разгорались у разрушенной церкви, в центре города...

Якова Петровича Ваня заметил ещё издали. Он хоть немного и побаивался соседа, но при встрече смотрел на него как заворожённый. Что-то было в облике этого человека сказочно-могучее, надёжное и доброе. Семидесятилетнего Горбачёва, учителя математики, трудно было назвать стариком: крепкого телосложения, с большими чапаевскими усами, которые любил закручивать, он больше напоминал лихого казака. Вот и теперь легко откинул тяжёлую дверь каменного погреба и, встречая соседей, помогал спуститься вниз.

– Прячьтесь, люди добрые, пока германец вас в живую изгородь не выстроил.

Баб и детей набилось со всей улицы Карла Маркса, Ваня успел приметить Прокофьевых и Шолохоновых, остальных знал только в лицо. Прикинул, что собралось не меньше тридцати человек, а может, и больше, до того тесно было в холодном, тёмном убежище. А Горбачёв, наклонившись над подвальным проёмом, так что усы его отвисли и раскачивались на ветру, неожиданно предупредил:

– Вот что, бабоньки, я вас закрою, и замок повешу, и штабу накину, и на ключ...

– Рехнулась, что ли? – завопила старуха из дальнего угла. – А если с тобой что случится?

– Типун тебе на язык! – зашушукали женщины.

– Без костей он у тебя, Лизавета!

– Сам-то как, Яков Петрович? – обеспокоилась Ефросинья.

– Укроюсь в бане, что на болотце. Не волнуйтесь. А замок, чтобы немцы не догадались. Сидите тихо! И вот ещё, – Горбачёв прикусил ус, – если со мной что... Стучите потом, кричите, наши услышат, откроют...

Дверь глухо стукнула, звякнул замок, подвал накрыла кромешная тьма. Бабы замерли, прислушиваясь к звукам наверху.

А наверху продолжался бой. Гудели самолёты, сбрасывая смертоносные гостинцы на немецкие укрепления, пулемётные очереди разрезали пространство трассирующими пулями, взрывы наизнанку выворачивали землю, гулко и часто трещали автоматы...

Когда со двора отчётливо донёсся топот ног и лязг затворов, по подвалу прошелестело:

– Немцы!

– Всё, бабы, прощайте...

Кто-то наверху сбил замок, откинул дверь. Свет, хлынувший в подвал, ослепил затворников. Щурясь, прикрывая глаза ладонями, они пытались, но всё равно не могли различить людей, склонившихся над ними, пока одновременно с металлическим щелчком затвора не прозвучало громкое:

– Кто такие?

И вдруг мгновенно оживший подвал словно прорвало:

– Красные! Это красные!

– Наши-и-и!

– Родненькие!

Рыдали, смеялись, голосили, кричали бабы. И Ваня тоже орал что есть мочи:

– Красные! Красные! Красные!

Хотя совсем не понимал, кто это такие – красные? Только чувствовал всем своим худеньким, маленьким тельцем, своим исстрадавшимся сердечком, что произошло что-то необыкновенно радостное, счастливое, то, чего ждали все эти бабы, и дети, и мама, и он сам три нескончаемых, страшных военных года...

Хитько вёл машину и улыбался, глаза его светились, словно он заново пережил тот потрясающий момент освобождения двадцать третьего декабря тысяча девятьсот сорок третьего года.

– А учитель? – взволновалась попутчица.

– О, Яков Петрович ещё успел поучительствовать! В пятьдесят четвёртом его не стало. А тогда, в сорок третьем, считай, подвиг совершил, собой пожертвовал, ради женщин и детей, ведь в подвале прятаться надёжнее, чем в бане... А нам потом хватило всякого: голодали ведь. Я с другом Юркой на речке рыбу ловил. Горожанка наша была не то что теперь, глубокая! Даже налимы водились. Нащупаешь под камнями-корягами и гладишь, гладишь, а потом пальцами под жабры – хват! И тащишь из воды. Это летом. Зимой же по льду палками, камнями били, чтобы оглушить, а когда мины научились разбирать, тол нам в помощь. И самые вкусные в мире котлеты мне тоже посчастливилось попробовать!

Женщина удивлённо вскинула глаза, хотела что-то спросить, но Иван Павлович опередил:

– На квартиру к нашей хозяйке подселили двух медсестричек, так красноармейцы им здоровенный оковалок конины приволокли. Лошади на войне тоже ведь погибали... Ух, какие же это были котлеты!

Попутчица слушала, сочувственно кивала, вздыхала то горестно, то радостно. Из своего послевоенного детства она тоже помнила километровые очереди за хлебом и керосином, даже в баню – за тазиком и местом в бельевом шкафчике. Помнила керосиновые лампы и керогазы, телеги на улицах и конские яблоки на дорогах, которые мать просила собрать в ведёрко, чтобы добавить поросёнку в корыто, потому что в тех лепёхах было много непереваренного зерна. Но всё это происходило уже в свободной стране, когда надежда на будущее окрыляла и грела, а потому переносилось терпимо, с шутками да песнями. И пели так, как сейчас уже не поют...

До Лужесно оставалось совсем немного, но нахлынувшие воспоминания так захлестнули, что Хитько, захлёбываясь словами, всё говорил и говорил:

– Мать, бывало, напечёт сочней из картошки с мукой, а я их – к поезду. Глядишь, и копейка в доме. Отжили немного – шерсть с кожи слезла. Однажды выскочили из вагона солдатики, похватили пирожки. «А деньги?» – спрашиваю. «Деньги потом! Не жалея, пацан!» А мне и не жалко. Я нашим красным всё, что хочешь, готов был отдать!

Иван Павлович достал из кармана яблоко с красной полоской и протянул его попутчице:

– Кожицу обрежьте. Оно без неё сладкое – спасу нет!

Когда за женщиной захлопнулась дверь, он, оставшись один, вдруг не на шутку задумался, да не о чём-то обыденном, а о том, для чего он, Хитько, живёт на белом свете? Сестричка Тоня Богу душу отдала ещё в пятьдесят шестом. Потом отец. Когда работал в институте, ушла из жизни мама. Лучших друзей тоже уже нет... А вот он, Хитько, живёт. Зачем? Для чего учился, работал, любил, страдал? Может быть, для того Господь и одарил его талантом, для того и выжил он в тот страшный февральский день сорок третьего, когда фашисты сжигали его вместе с родными и соседями, чтобы теперь вдруг осознать своё главное предназначение. И конечно, оно не в том, чтобы молчать и скромно прятать боль под каменным спудом забвения из-за страха вновь пережить то, что, казалось, и пережить невозможно. Нет, именно этой болью, её мучительной силой он должен творить и творить до последнего своего дня, чтобы приумножить данное ему Богом и чтобы в веках сохранить память о страданиях и жуткой смерти безвинных земляков.

И он, Хитько, идёт к этой цели уже давно: сначала оформлял музеи, начиная с музея героя Великой Отечественной Миная Шмырёва, потом с другими мастерами изготавливал шкатулки для хранения земли из сожжённых с людьми белорусских деревень, которые были переданы администрации мемориального комплекса в Хатыни, теперь надо отдать должное землякам.

Дома Хитько развернул листки, захваченные с дачи. Это были наброски, эскизы фрагментов будущего памятника, который задумал создать на месте сожжённого дома. Теперь это как раз напротив школы. Кому, в первую очередь, нужны памятные знаки об историческом прошлом родного края? Конечно, детям!

– А ведь боятся! Ой, как боятся нынешние фашисты памятников советским воинам и всему советскому, русскому, православному! Сносят их по всей Украине, Прибалтике, Европе... А мы новые поставим! – раззадорился Иван Павлович, разглядывая эскизы. – Выходит, что и бронзовая память может стать оружием, которое помешает нацизму гадить в людских душах.

